

3. *Капанадзе Л. А.* Структура и тенденции развития электронных жанров : [Электронный ресурс] – Режим доступа : /<http://rus.1september.ru/2002/21/7.htm> (2002).
4. *Широков В. А.* Інформаційна теорія лексикографічних систем / В. А. Широков. – К. : Довіра, 1998. – 331 с.
5. *Широков В.* Персонализация интерактивных словарей / В. Широков, К. Сеница, А. Манако, В. Манако, Д. Веренич : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.vss.nlr.ru/queries/cat.php?rid=270&prid=1.
6. "Грамота.ру" : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : / <http://www.gramota.ru>.
7. Словари Украины : [Электронный ресурс] – Режим доступа : / [url=http://itnews.com.ua/20340.html](http://itnews.com.ua/20340.html)].

Заваруєва І. І. Інтерактивний словник як електронна (комп'ютерна) лінгвістична побудова.

У статті аналізується проблема дослідження одного із сучасних явищ лексикографії – електронного інтерактивного словника. Важливість дослідження полягає в тому, що електронні словники набувають все більшого значення в сучасному житті. У зв'язку з цим актуальним є виявлення основних тенденцій і прогнозування перспектив розвитку електронної лексикографії.

Ключові слова: електронний словник, інтерактивний словник, інформаційні технології, комп'ютерна база даних, гіпертекст, гіперпосилання.

Zavaryeva I. I. Interactive Dictionary as electronic (computer) linguistic structure.

In the article the problem of research of one of the phenomena of modern lexicography – interactive electronic dictionary. The importance of the study is that electronic dictionaries are increasingly important in modern life. In this regard, important is to identify major trends and forecasting prospects for the development of electronic lexicography.

Key words: electronic dictionary, online dictionary, information technology, computer database, hypertext, hyperlink.

Зайцева М. А.

***Национальный юридический университет
имени Ярослава Мудрого***

**КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ АНЕКДОТЕ
(КАТЕГОРИЯ ИЗМЕНЧИВОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ)**

В статье рассматривается категория изменчивости и устойчивости культурных стереотипов. Автор в качестве иллюстративного материала анализирует юридические анекдоты XIX в. и современные юридические анекдоты.

Ключевые слова: стереотип, анекдот, культурный стереотип, языковой стереотип, экстралингвистический контекст, картина мира, концептуальная картина мира.

Все чаще исследователи-лингвисты обращают внимание на национальные особенности, которые находят выражение в семантике слов.

Осознание того факта, что взаимосвязь между языком и культурой – одна из тех проблем лингвистики, изучение которой имеет практическое значение для межкультурной коммуникации, обусловило стремление исследовать языковые явления на фоне широкого экстралингвистического контекста. Важнейшей задачей является системное освещение культуры народа через его язык, отражение культурной значимости языковой единицы на основе ее соотнесения с “кодами” культуры, которые известны только носителю языка или которые устанавливаются с помощью анализа, толкования соотношения и связи языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества [15, с. 82]. Все вышесказанное, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

Цель данной работы заключается в характеристике изменчивости культурных стереотипов в зависимости от экстралингвистических факторов. Достижение цели исследования подразумевает решение следующих задач: 1) охарактеризовать понятие “стереотип”; 2) установить виды стереотипов; 3) проследить, как меняются стереотипы под влиянием внешних факторов.

Картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру. Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к действительности. Процессы речевого общения, в свою очередь, постепенно приводят к выработке особым образом мотивированных знаков культуры [14, с. 90–91], которые в своей совокупности демонстрируют нормы речевого взаимодействия (по Ю. Скребневу, в нормах речи выражается социальный оптимум) [9]. В связи с этим в речевом быту носителей языка формируются устойчивые речевые и речеповеденческие образцы для повторяющихся ситуаций, или культурные стереотипы (некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная “картина”, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации). Нормы общения распространяются и перенимаются именно путем демонстрации и усвоения этих образцов [14, с. 111]. Следовательно, разные народы живут в мире своих стереотипов, навязанных соответствующей картиной мира.

Многие исследователи считали и считают до сих пор стереотипы явлением насколько неизбежным, настолько и опасным. По их мнению, опасны даже положительные стереотипы, так как они создают впечатление объективности и таким образом поддерживают всю систему стереотипов в целом. Человек формирует стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными; обычно они содержат некое зерно истины. Если же анализировать стереотип как представление, основанное на предрассудках, то через призму последних можно определить стереотип как предвзятое

отношение к кому-либо на основе его принадлежности к конкретной группе или категории. Здесь подразумевается наличие категоричной оценки – либо позитивной, либо негативной, но в психологической литературе обычно имеются в виду негативные установки по отношению к данному человеку или группе. Причины появления стереотипов анализируются и в когнитивных теориях, а также в рамках социальной психологии. Эти области науки изучают, в какой степени наши мысли зависят от непосредственного общественного контекста и, в свою очередь, влияют на наше поведение в обществе. Когнитивные теории акцентируют нашу потребность классифицировать людей, так как это упрощает способ восприятия окружающего мира.

Рассматривая социальные функции стереотипа, Д. Теджфел отмечает ряд моментов: 1. Люди с легкостью проявляют готовность давать обширным человеческим группам (или социальным категориям) недифференцированные, грубые и пристрастные оценки. 2. Эти характеристики отличаются стабильностью в течение длительного времени. 3. Социальные стереотипы изменяются в зависимости от социальных, политических изменений, но этот процесс происходит крайне медленно. 4. Социальный стереотип становится более отчетливым и враждебным, когда возникает враждебность между группами. 5. Социальные стереотипы устанавливаются очень рано и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся [17].

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин “стереотип” относится к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с картиной мира. Языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. Но языковым стереотипом можно считать не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: седой как лунь, новый русский, белая ворона и т.д.

По мнению Ю. А. Сорокина, стереотип – это некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме [11]. Можно предположить, что стереотипизация (как результат) осознается

індивидуумом в формі таких видових понять як стандарт і норма (родовим в цьому випадку виступає поняття стереотип), причому стандарт є реалізацією деякої семиотическої і/або технологіческої моделі на соціальному і соціально-психологічному рівнях, а норма є реалізацією такої моделі на мовному і психологічному рівнях.

Таке розуміння понять дозволяє розмежовувати мовне і немовне поведіння, і на основі цього можна зробити висновок, що стандарт – це немовна, соціально-психологічна реальність, існуюча на мовному рівні, вираженій нормою. Стереотип ж є загальним поняттям, включаючи в себе і норму, і стандарт. Стереотип – це уявлення людини про світ, формуючись під впливом культурного оточення (іншими словами, це культурно-детерміноване уявлення), існуюче як у вигляді ментального образу, так і у вигляді вербальної оболонки, стереотип – процес і результат спілкування (поведіння) згідно певним семиотическим моделям. Стереотип (як родовий поняття) включає в себе стандарт, який є немовною реальністю, і норму, існуючу на мовному рівні.

В якості стереотипів можуть виступати як характеристики іншого народу, так і те, що стосується уявлень однієї нації про культуру іншої нації в цілому: загальні поняття, норми мовного спілкування, поведінки, категорії, мислительні аналогії, предрасудки, суєверія, моральні і етикетні норми, традиції, звичаї і т. п. Стереотип – це не тільки ментальний образ, але і його вербальна оболонка, тобто стереотипи можуть існувати і на мовному рівні – у вигляді норми. Стереотипи як фрагменти або образи картини світу, існуючі в свідомості, фіксуються і проявляються в мові, і разом з тим вони можуть бути власне мовними. “С точки зору лінгвістики, – пише Е. Бартмінський, – стереотипи можна досліджувати і описувати як стійкі, повторювані, а не випадкові повідомлення, які закріплюються в колективній пам'яті на рівні конкретики, відповідній лексемам” [2, с. 13]. Розмова йде про власне мовні стереотипи, хоча часто лінгвісти в своїх роботах ставлять знак тотожності між поняттями “стереотип” і “мовний стереотип”, маючи на увазі, що об'єктом дослідження в цих роботах є мова як засіб людського спілкування.

Мовні стереотипи передбачають семантичну стереотипізацію, яка яскраво виражена в прислів'ях, ідіомах, фразеологізмах, крилатих вираженнях, мовних штампах. Семантична стереотипізація допомагає зменшити кількість семантичних значень фраз, лексем, що в значительній мірі полегшує комунікатору вибір точного засоби для передачі потрібної інформації, а реципієнту –

восприятие этой информации. С введением понятия “стереотип” “становится возможной совместная трактовка языковых и культурных явлений” [1, с. 12]. Хотя термин “стереотип” был введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом в 1922 г., до сих пор среди исследователей нет единого определения стереотипа, нет даже единого мнения относительно правомерности использования самого слова “стереотип”. В научной литературе можно встретить различные термины – национальные стереотипы, этнические предрассудки, этнические представления, национальные образы и другие, выражающие одно и то же явление. Национальные стереотипы изучаются в разных науках – социологии, психологии, политологии, филологии, истории. В некоторых странах существует самостоятельное междисциплинарное направление, исследующее происхождение, функционирование, влияние на состояние общества стереотипных представлений. Это направление получило название “имагология” (во французском языке) или “имэджинология” (в английском языке). До сих пор не существует устойчивой классификации стереотипов. Выделяются этнические, гендерные, профессиональные, возрастные, религиозные, географические, вещевые стереотипы. Следует отметить, что культурные и этнические стереотипы часто не разделяются исследователями. Вслед за Н. В. Уфимцевой, мы дифференцируем этнические стереотипы и культурные стереотипы: “этнические стереотипы недоступны саморефлексии “наивного” члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного сознания, им уже можно обучать” [16, с. 140].

В середине XX в. в контексте новой исследовательской волны возникают новые проблемы изучения стереотипа: влияние индивидуально-психологических особенностей, личных характеристик на механизмы стереотипизации; основные структурно-динамические особенности стереотипов социальных объектов и ситуаций; способы формирования стереотипов; устойчивость и изменчивость стереотипов, правдивость и ложность стереотипов.

Вообще проблема соотношения устойчивости и изменчивости, с одной стороны, и проблема правдивости и ложности, с другой, являются главными в изучении стереотипов. Единого мнения по этому вопросу не было и нет. На бытовом уровне они воспринимаются как объективная реальность. С проблемой выяснения правдивости – неправдивости стереотипов неразрывно связан вопрос об их устойчивости. Если в основе стереотипа находится реальность, то он должен быть относительно устойчив, если же он целиком и полностью ложен, то он должен меняться в зависимости от исторической,

международной и даже внутривполитической ситуации в той или иной стране. Ряд исследователей (К. Макколи, К. Ститт, М. Сегал), обращая внимание на устойчивость стереотипов, замечают, что опровергающая информация рассматривается как исключение, подтверждающее правило. Согласно Е. Ю. Прохорову, стереотип является суперфиксированным явлением, которое не изменяется даже перед лицом реального опыта, опровергающего его истинность [8, с. 124]. Однако практика показывает, что стереотипы реагируют на новую информацию. Изменение стереотипа происходит при аккумуляции большого количества опровергающей информации. История развития нашей страны содержит немало примеров изменения и исчезновения социальных стереотипов, то есть стереотип не является постоянным, он меняется, формируясь под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки и индивидуально-социокультурной среды, а также при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ. Среди условий первого порядка выделяют уровень образования, интеллект, личный опыт, а также нормы, привычки, социальные роли, среду обитания.

Наше понимание стереотипа в предлагаемом исследовании сводится к следующему: “стереотип – это довольно устойчивый фрагмент картины мира, существующий в массовом сознании, обусловленный национально-культурной спецификой представления о предмете или ситуации” [4, с. 178]; некий устойчивый образ, детерминированный культурой посредством установки, который входит в систему мировидения человека как ее элемент и упорядочивает процесс восприятия действительности. Заметим, что стереотип осуществляет, с одной стороны, селекцию информации, поступающей извне к субъекту, и с другой – структурирует внутренний опыт и подготавливает дальнейшее продвижение и обработку информации на более высокие уровни сознания с целью фиксации ее в памяти мышления.

Для анализа были выбраны тексты юридических анекдотов. На наш взгляд, анекдот, будучи текстом, создаваемым народом и для народа, наиболее ярко отражает стереотипы, сложившиеся в той или иной лингвокультурной среде. Мы рассматривали культурные стереотипы в анекдотах с точки зрения их устойчивости и изменчивости. Для анализа были отобраны анекдоты XIX в. и современные юридические анекдоты.

По свидетельству ученых-историков, до 60-х годов XIX в. отношение населения к судебной власти было в целом негативным, что было обусловлено запутанностью дореформенной судебной системы, ее сословным характером, формализмом и канцелярской тайной, волокитой, отсутствием гласности и публичности, ограниченностью доступа населения к правосудию. Непривилегированное население стремилось как можно меньше контактировать с представителями судебной корпорации. По этой причине

на уровне фольклора судебная тематика не нашла отражения в таком жанре, как анекдот: при боязни идти в суд, при получении в этом государственном учреждении только отрицательных эмоций, при отсутствии публичности и гласности не было и речи о распространении среди населения каких-либо смешных, забавных историй на эту тему. После реформы 1864 г. суд стал восприниматься не как отрицательное, а как нормальное явление, часть общественной жизни. Сам факт появления юридического анекдота свидетельствует о значительных сдвигах, произошедших в правосознании российских подданных. Исследователи отмечают, что в результате Судебной реформы 1864 г. суд приобрел всесловный характер. Население получило доступ к правосудию не только для восстановления справедливости, защиты своих нарушенных прав, но и в качестве присяжных заседателей и, наконец, просто зрителей: процессы стали открытыми, публичными, гласными, нередко они находили отражение и на страницах периодической печати [3]. Какие изменения произошли в обществе по отношению к судебной системе:

Во-первых, в правосознание входит знание о суде, а также о его формах, состязательности уголовного и гражданского процесса. До нас дошло порядка сорока анекдотов, где фигурируют представители адвокатской корпорации.

Во-вторых, меняется отношение к суду: от в основном отрицательного оно переходит в дифференцированное, т. е. правосознание отразило и негативные и, что является новым, позитивные моменты в функционировании института судебной власти.

Так, на примере следующих анекдотов о реальном судье А. И. Трофимове мы видим положительное отношение к нему: он справедлив, остроумен, не циничен, ирония А. И. Трофимова не злая, она не направлена на то, чтобы унижить или обидеть кого-либо. У него нет личных корыстных интересов, он нейтрален и по отношению к стороне ответчика, и по отношению к стороне истца, и по отношению к адвокату.

Анекдот № 1. *Один адвокат, обеляя бесчинного богатого купца, попавшегося на драке с буфетчиком, называет своего клиента из почтения не иначе как подобострастным “они-с”. А. И. Трофимов долго слушает его с усмешкой и наконец прерывает:*

– Да что вы мне все про анис да про анис толкуете! Тут, батюшка, не анисом, а кутузкой пахнет!

Анекдот № 2. *Во время заседания в камере мирового судьи Трофимова какой-то мужичок, сидя на второй скамейке, заснул, храп раздался по всей камере.*

– Эй, почтенный! – сказал Трофимов, – вставай. Один из слушателей, рядом сидевший с мужиком, двинул его в бок.

– А-а-ась? – произносит мужик, очнувшись.

– Не спи, – говорить ему судья, – ведь ты не в итальянской опере.

Анекдот № 3. Александр Иванович собирался выйти из канцелярии в камеру и начать разбор, тут к нему подскочил какой-то частный поверенный:

– Господин судья, будьте так добры, разберите дело Подметкина и Оглоблевой первым!

– Что же это вы так торопитесь?

– Ах, да это такое несчастное дело! Я не рад, что и взялся-то за него... То одна сторона откладывает, то другая... семь месяцев тянется, а все не может разрешиться!

– Какой же вы, однако, нетерпеливый! Ну что стоит вам подождать еще два месяца... Тогда будет девять месяцев – как раз срок правильного разрешения от бремени (2).

Бескорыстие совершенно не свойственно современной системе правосудия: 1. Присяжные с судьей обсуждают дело. Судья: – Не знаю что делать. Истец дал взятку сто тысяч, а ответчик сто десять. Присяжный: – А может дадим ответчику десять тысяч сдачи и будем решать все по закону? 2. Прокурор: “Подсудимый, вы подтверждаете получение взятки?” Подсудимый: “Подтверждаю”. Прокурор: “Как вы распорядились деньгами?” Подсудимый: “Судье отдал”. Судья: “Объявляется перерыв до 16 часов”. 3. Молодой неопытный футбольный судья приходит к опытному судье:

– Проблема помощи.

– А что случилось?

– Да завтра Спартак – ЦСКА: Спартак дал 70 тыс. а ЦСКА 100 тыс. – не знаю как судить...

– Отдай ЦСКА 30 тысяч и суди честно (1).

То, что судья по доброму остроумен, хорошо видно на примере следующего анекдота:

Анекдот № 4. У мирового судьи в качестве свидетельниц две барышни. Младшая, на вопрос судьи о ее летах, отвечает совершенно спокойно, что ей 28 лет; вторая, старая, высохшая дева, объясняет, после долгого жеманства, что ей 25 лет. – Очень хорошо, – говорит судья и затем обращается к письмоводителю со словами: – Не перепутайте, Алексей Федорович, запомните, что старшая из свидетельниц – младшая (2). Если сравнивать с современными судьями, то они чаще цинично остроумны: 1. Преступник, приговоренный к смертной казни, говорит свое последнее слово:

– К сожалению, меня расстреляют за преступление, которое я совершил против своей воли.

– Ничего, – отвечает судья, – расстреляют тебя тоже против твоей

воли. 2. Судья (успокаивающе):

– Отсидите свое пожизненное заключение, а там увидим (1).

До революции распространен стереотип о том, что мировой судья справедлив, так как он установит истину, потому что он стремится установить истину ради истины. И не важно, будет ли это в результате тщательного судебного разбирательства, неких случайностей или каких-то других обстоятельств. Так, анекдот № 5 прекрасно иллюстрирует нам забавный случай, как самоуверенный воришка попадает на собственной оговорке.

Анекдот № 5.

– Иванов! Вы обвиняетесь в краже лисьей ротонды. Что вы скажете в свое оправдание? – Меня обвинять в воровстве? Помилуйте, господин мировой судья! Я человек безупречной честности и вдруг стану вором! Тут произошло недоразумение: я по ошибке взял чужую вещь и с удовольствием возвращу ее...

– Но как же вы могли чужую вещь принять за свою?

– Меня вензеля смутили: на ложках были мои инициалы... простая ошибка!

– Позвольте, при чем же тут ложки? Вас обвиняют в краже ротонды!

– Ах, виноват. Я свои защитительные речи перепутал: о ложках мне завтра в 23-м мировом участке придется говорить (2). Приведем пример современного правосудия: 1. Судья лицом повернется, так и левый правым станет. 2. – Подсудимый, вам – последнее слово. – Э-э-э... Видите-ли, господин судья, я э-э-э... – Достаточно! Расстрелять! (1).

Справедливость мирового судьи воспринималась с благодарностью даже осужденными.

Анекдот № 6. Перед мировым судьей оборванный субъект. Судья выносит приговор:

– ...Приговорил на основании таких-то статей к аресту на два месяца. Довольны приговором? Можете в течение суток неудовольствие...

– Зачем неудовольствие, господин судья? Очень даже доволен, потому Рождество подходит, а у меня кушать нечего. Покорнейше даже благодарю вас за даровые харчи на два месяца; квартирка бы лучше, коли бы свободная, ну да ничего-с. Покорно благодарим-с! (2).

Подобных примеров современных юридических анекдотов мы не нашли. Для сравнения можно привести следующий анекдот о современной действительности: 1. Приговор: 30 лет расстрела, без права переписки. Судья Свирепов-Непреклонный (1).

В дореволюционном анекдоте мировой судья близок к народу, что является интересным фактом, учитывая существование сословий. Это проявляется в том, что иногда подсудимые забываются и даже позволяют

себе некоторую фамиллярность в отношении его. Об этом свидетельствует, например, анекдот № 7: Судья:

– *Прошу отвечать мне без фамиллярностей. Обвиняемый:*

– *Что делать, господин судья? Я очень скоро привыкаю к людям, а у вас я уже седьмой раз на этой неделе (2).* В данном случае подсудимый, видимо, доброжелательно настроен по отношению к судье несмотря на седьмое заседание.

Проанализировав следующие анекдоты, можно сделать вывод об отношении к судьям в современном обществе и отношении судей к участникам процесса: 1. *После футбольного матча местный охранник заметил человека в длинном плаще, в темных очках и с наклеенной бородой, тот спросил:*

– *Террорист?! – НЕТ, СУДЬЯ!!! ;))).*

2. *Не мог ли я видеть Ваше лицо прежде? – спрашивает судья, внимательно глядя на подсудимого.*

– *Могли, Ваша честь! – с надеждой отвечает тот. – Прошлой зимой я давал Вашему сыну уроки игры на скрипке...*

– *Двадцать лет строгого режима!!! (1).*

Принцип равенства всех перед законом и судом до революции проявлялся не только в том, что представители разных социальных групп были подсудны не сословным судам, а единым судебным установлениям, но и в том, что суд одинаково прислушивался к представителям разных социальных групп. Рассмотрим анекдот № 8: *Едет по дороге крестьянин, догоняет его помещик и кричит:*

– *Эй, скотина, дай дорогу!*

А крестьянин едет себе и в ус не дует. Барин подал на крестьянина в суд.

– *Почему не свернул с дороги? – спросил судья.*

– *А он, господин судья, не мне, он моей скотине велел сворачивать. А моя скотина – такая дура, ничего не понимает (2).*

Таким образом, и помещик-дворянин, и бывший крепостной крестьянин оказались равны перед законом, равны перед судом.

В современных анекдотах бытует стереотип о неравенстве представителей разных социальных групп перед судом, хотя в современном обществе нет сословий и не должно быть неравенства: 1. *Высокопоставленный представитель власти сбил своим автомобилем на пешеходном переходе сразу двоих, ну и интересуется у судьи по поводу вердикта.*

– *Ну, – говорит судья, – я предполагаю, что тот который своей головой разбил лобовое стекло, может получить около 5 лет за повреждение чужего имущества и попытку воровства... А второй, который отлетел в*

кусты, может и 8 схлопотать за попытку убежать с места происшествия.

2. В суде выписывают штраф водителю. Судья:

– Ну как вам не стыдно! Перестроились через ряд, поехали на красный свет, превысили скорость. Я понимаю BMW какой-нибудь, но вы-то!...водитель трамвая! (1).

В результате изучения дореволюционных анекдотов, посвященных мировым судам, складывается следующий образ мирового судьи: это судья для народа, он близок к народу и способен решить практически любое дело, это справедливый, беспристрастный и объективный судья. Но при этом он – живой человек, которому свойственны различные качества (например, ироничность, остроумие) и эмоции (например, недоумение, возмущение поведением других лиц). Наконец, среди анекдотов о мировых судах нет ни одного, где бы судья предстал в отрицательном свете. Это свидетельствует о наличии позитивного образа мирового судьи в правосознании дореволюционного населения Российской империи.

Таким образом, юридические анекдоты второй половины XIX – начала XX вв. свидетельствуют, что Судебная реформа 1864 г. оказала значительное влияние не только на судебную систему Российской империи, но и повлияла на умы современников, запечатлелась на ментальном уровне, найдя отражение в стереотипах. Суд стал восприниматься не столько как репрессивный орган, сколько как структура, способствующая защите прав личности. Знания о суде вошли в систему правовых знаний и представлений россиян. Кроме того, изменился и сам образ суда в правосознании населения. Отношение к нему перешло от негативного к нейтральному или даже положительному: образ судьи из анекдотов – это справедливый, заинтересованный в установлении истины представитель судебной системы, ему присуще чувство юмора, сострадание к участникам процесса. Однако культурные стереотипы изменились под воздействием существующей действительности: судебная система и ее представители предстают в стереотипах только в отрицательном свете. Наш взгляд, данное исследование является перспективным, так как в дальнейшем можно рассмотреть и другие аспекты, связанные с проблемой изучения стереотипов, в частности, сопоставление культурных стереотипов разных народов, установление их сходств и различий.

Л и т е р а т у р а :

1. *Бартминьский Е.* Этноцентризм стереотипа: польские и немецкие студенты о своих соседях / Е. Бартминьский // *Славяноведение*. – М.: Индрик, 1997. – № 1. – С. 12–24.
2. *Бартминьский Е.* Базовые стереотипы и их профилирование / Е. Бартминьский // *Стереотипы в языке, коммуникации, культуре*: сб. ст. / сост. и отв. ред.

- Л. Л. Федорова. – М. : РГГУ, 2009. – С. 11–21.
3. *Демичев А. А.* Судебная реформа 1864 г. в российской ментальности пореформенного периода (по материалам исторических анекдотов) : [Электронный ресурс] – Режи доступа : [juristlib.ru\book_10289.html](http://juristlib.ru/book_10289.html).
 4. *Красных В.* Этнопсихолінгвістика і лінгвокультуро́логія : курс лекцій / В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
 5. *Липпман У.* Общественное мнение : Пер с англ. / У. Липпман. – М. : Ин-т Фонда “Общественное мнение”, 2004. – 384 с.
 6. *Майерс Д.* Социальная психология : Интенсивный курс : пер. с англ. / Д. Майерс. – СПб. ; М. : Прайм-Еврознак; Олма-Пресс, 2004. – 510 с.
 7. *Мельник Г. С.* Mass-Media : Психологические процессы и эффекты / Г. С. Мельник. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 159 с.
 8. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : ИКАР, 1997. – 228 с.
 9. *Скребнев Ю. М.* Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. – М. : Астрель, 2003. – 221 с.
 10. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М. : Смысл, 1998. – 396 с.
 11. *Сорокин Ю. А.* Стереотип, штамп, клише : К проблеме определения понятий / Ю. А. Сорокин // Общение : Теоретические и прагматические проблемы. – М. : Прогресс, 1998. – 289 с.
 12. *Сорокин Ю. А.* Этнопсихолінгвістика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина. – М. : Наука, 1998. – 267 с.
 13. *Тарасов Е. Ф.* Место речевого общения в коммуникативном акте / Е. Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977. – С. 14–38.
 14. *Тарасов Е. Ф.* Язык и культура : методологические проблемы // Язык – культура – этнос. – М. : Наука, 1994. – 233 с.
 15. *Толстой Н. И.* О предмете этнолінгвістики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. – Л. : Наука, 1983. – С. 74–117.
 16. *Уфимцева Н. В.* Русские : опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М. : Эксперимент, 1996. – С. 139–162.
 17. *Tajfel H.* Social stereotypes and social groups / H. Tajfel. – Oxford, 1984.

С п и с о к и с п о л ь з о в а н н ы х и с т о ч н и к о в :

1. Анекдоты про судей : [Электронный ресурс] – Режим доступа : [anekdotme.ru\anekdoti_pro-sudey](http://anekdotme.ru/anekdoti_pro-sudey).
2. Антология юридического анекдота / сост. В. М. Баранов, П. П. Баранов, З. Ш. Идрисов; 2-е изд. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2001. – 741 с.

Зайцева М. О. Культурні стереотипи в юридичному анекдоті (категорія мінливості і стійкості).

У статті розглядається категорія мінливості і стійкості культурних стереотипів. Автор аналізує юридичні анекдоти XIX ст. і сучасні юридичні анекдоти як ілюстративний матеріал.

Ключові слова: стереотип, анекдот, культурний стереотип, мовний стереотип, екстралінгвістичний контекст, картина світу, концептуальна картина світу.

Zaytseva M. O. Cultural stereotypes in juridical anecdote (category variability and sustainability).

In the article the category of variability and sustainability of cultural stereotypes have been examined. The author has analyzed legal anecdotes of the nineteenth century and modern legal anecdotes as illustrative material.

Key words: stereotype, an anecdote, a cultural stereotype, linguistic stereotype, extra-linguistic context, world view, conceptual world view.

Задорожний В. Б.

Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України

УКРАЇНСЬКА НАРОДНОПІСЕННА ТВОРЧІСТЬ ЯК ДЖЕРЕЛО ДЛЯ ВИВЧЕННЯ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Стаття присвячена з'ясуванню того явища, що в українській народній пісенній творчості виявляється у вигляді незвичного для сучасної мовної свідомості наголосу дієслів типу вечертти, думфти, плакфти тощо. Всупереч поширеному поглядові на такого роду мовні факти як на своєрідну поетичну вільність народного співця автор доводить, що насправді вони відображають еволюційні процеси в акцентній системі української мови, викликані розвитком її граматичної системи. Ці процеси тривають і на сучасному етапі розвитку нашої мови.

Ключові слова: акцентні перетворення, видова пара, доконаний / недоконаний вид, наголос (кореневий, суфіксальний).

Роль української пісенної поезії у становленні сучасної української літературної мови є загальновідомою. Мало того, саме українська народна творчість своєю красою й багатством спричинилася до “легалізації” української мови в той час, коли сама доцільність її подальшого культурного розвитку багатьма ставилася під сумнів. Та наше ставлення до мови української народної поезії відзначається певною мірою, сказати б, парадоксальністю. Ми не шкодуємо її схвальних оцінок загальникового характеру, однак стосовно тільки тих явищ у ній, що є для нас очевидними й зрозумілими. Інакше – з явищами незвичними, незрозумілими. Скажімо, в українських народних піснях досить часто слова наголошуються не так, як ми звикли це робити нині. Пояснюємо це собі якнайпростіше: мовляв, наївний народний творець дозволяв собі перекрутити слово на догоду загальному ритмомелодійному ладові пісні. Така думка може видатися